

Вэнь Цзинь, заметив задумчивое выражение на лице Ци Яня, моргнул и с улыбкой поддел его:

— Брат Янь, а ты, похоже, очень хорошо понимаешь Шанвэня. Неужели ты и раньше им тайком интересовался?

Ци Янь вздрогнул всем телом. Мужчина, который в любой ситуации обычно оставался спокойным, зрелым и безупречно владел собой, почти не задумываясь выпалил:

— Пф, нет конечно!

Едва слова сорвались с его губ, как Вэнь Цзинь слегка опешил.

Похоже, и сам Ци Янь понял, что отреагировал чересчур резко. Уже в следующую секунду он снова стал тем самым безукоризненным топ-айдолом, который умеет идеально держать лицо при любых неожиданностях. Легко усмехнувшись, он сказал:

— Все годы после дебюта я был сосредоточен только на музыке. С киноиндустрией почти не пересекался. К тому же... он совсем не в моём вкусе.

Вэнь Цзинь кивнул.

И почему-то будто бы с облегчением выдохнул.

Брат Цзянь был таким выдающимся. И таким красивым... куда красивее него самого. Почему-то Вэнь Цзиню всегда казалось, что все без исключения должны влюбляться в него. Но, выходит, это всё-таки не так!

Зрители в прямом эфире тоже облегчённо перевели дух.

«Слава Богу, у Ци Яня глаза на месте!»

«Я так и знал!»

«Это всё Цзянь Шанвэнь сам себе напридумывал!»

Вэнь Цзинь уже собирался что-то сказать, когда лёгкий ветерок пронёсся по долине. И вдруг он заметил, как у мужчины напротив, ещё мгновение назад выглядевшего совершенно невозмутимым, резко изменилось лицо.

На долю секунды Вэнь Цзиню даже почудилась паника в глазах Ци Яня.

Проследив за его взглядом, он обернулся.

Летние ивы опускали вниз длинные нефритово-зелёные ветви, а по сверкающей глади озера ветер разгонял бесчисленные рябящие волны.

Под деревом стоял Цзянь Шанвэнь.

Он молча смотрел на них.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, ложился на его чуть худые плечи мягкими пятнами — будто сама память о прожитых годах ласково касалась его. Когда их взгляды встретились, он вдруг улыбнулся — ярко, ослепительно, словно распутившийся цветок.

— Я ходил к съёмочной группе за пластырем. Просто проходил мимо.

Он щурился с улыбкой, и голос его звучал совершенно обычно.

Фанаты ещё не успели окончательно расслабиться, как их кумир снова продемонстрировал свою убийственную способность мгновенно выхватывать самое главное.

Ци Янь взволнованно выпалил:

— Ты поранился?

Цзянь Шанвэнь покачал головой и с улыбкой ответил:

— Нет, Сюй Ян ногу поцарапал.

Только тогда Ци Янь облегчённо выдохнул.

Но прежде чем он успел задуматься, слышал ли Цзянь Шанвэнь их разговор...

— Ах, как добр господин Ци. — Глаза Цзянь Шанвэня изогнулись в улыбке. — Даже о тех, кто совсем не в его вкусе, так заботится. Мужчина с большим сердцем.

Ци Янь запнулся.

Он машинально хотел возразить, но слова застряли в горле, будто тяжёлый камень намертво упёрся в грудь, не давая ни вдохнуть, ни проглотить подступившие чувства. Он лишь застыл на месте.

Возразить... чему именно?

Сказать... что всё не так?

Но тогда — как?

Губы Ци Яня едва заметно дрогнули. Впрочем, многолетняя привычка быстро брать себя в руки всё ещё никуда не делась. После короткой паузы он наконец произнёс:

— В этом ничего такого нет... Мы всё-таки участники одного шоу. Беспокоиться друг о друге — нормально.

Едва он договорил, фанаты снова оживились:

«Братец, отлично выкрутился!»

«Вот именно, так и надо!»

«Ха-ха-ха, наконец-то отыгрались!»

Как у настоящего топ-айдола, аудитория прямого эфира Ци Яня исчислялась сотнями миллионов. Большинство фанатов сейчас были вне себя от радости.

И только самые старые поклонники, следившие за ним уже много лет, вдруг почувствовали странное дежавю.

Этот взгляд...

Они видели его раньше.

Тогда Ци Янь ещё не дебютировал — совсем юный, неопытный мальчишка, в котором не было ни нынешнего лоска, ни холодной зрелости. Без связей и влиятельной поддержки, в тренировочном лагере он часто мог лишь молча смотреть, как другим стажёрам доставалось лучшее оборудование и лучшие возможности.

Это был взгляд человека, стоящего по ту сторону стекла перед вещью, которую отчаянно хочется получить... но к которой нельзя прикоснуться.

Одинокий.

Подавленный.

В точности такой же, как сейчас.

На другом берегу озера.

Юй Цань как раз заметил вернувшегося Цзянь Шанвэня и подошёл поздороваться:

— Шанвэнь, вы уже вернулись!

— Ага. — Цзянь Шанвэнь перевёл взгляд на Фэй Чэна, который шёл чуть позади, и с улыбкой спросил: — А вы чего так поздно?

Юй Цань тяжело вздохнул:

— Ой, не спрашивай. Мы оба ужасно ориентируемся на местности. Но знаешь... хоть Фэй Чэн и младше, а иногда выглядит таким колючим и грозным, на деле он очень надёжный. Всё время обо мне заботился, так что, если честно, день прошёл довольно весело.

Цзянь Шанвэнь улыбнулся:

— Ну и отлично.

Юй Цань с любопытством посмотрел на него:

— А зачем тебе этот маленький вентилятор?

— А, это? — небрежно ответил Цзянь Шанвэнь. — Утащил у помощника режиссёра. Сегодня такая жара... Хотя сейчас уже прохладнее. Если тебе жарко, могу отдать.

Юй Цань тут же просиял:

— Правда? Супер! Тогда я сначала немного отдохну и потом приду к вам на сбор!

Цзянь Шанвэнь кивнул и первым вернулся к месту отдыха.

Те участники, что пришли раньше, уже отдыхали каждый в своём навесе. Подойдя к одному из шатров на краю лужайки, он протянул Ло Чжие мазь:

— Помощник режиссёра дал. Сказал, при ссадинах очень помогает. Потом передай Сюй Яну.

Ло Чжие взял тубик.

Новый. Даже не распечатанный.

Он не ожидал, что Цзянь Шанвэнь специально ходил за ним. Этот человек постоянно умудрялся удивлять. Казалось бы, только решил, что уже достаточно его разузнал — и тут же осознавал: нет, всё ещё нет.

Приподняв бровь, Ло Чжие спросил:

— Почему сам не отдашь?

Цзянь Шанвэнь сощурился в улыбке:

— Сюй Ян вряд ли обрадуется, увидев своего соперника по любви.

Ло Чжие тихо рассмеялся:

— Раз он соперник, зачем тогда вообще нести ему мазь?

На лице Цзянь Шанвэня появилось выражение «ну раз ты так говоришь, придётся включить свою чайную сущность». Улыбаясь, он протянул:

— Соперник соперником, но такая жара... если шрам останется, будет не очень. К тому же сейчас он твой напарник. Если из-за этого вы ещё и поссоритесь, вот это будет совсем плохо.

Конечно, плохо.

Потому что позже, когда Сюй Ян всё обдумает, он наверняка попытается раздуть из этого трагедию, пожаловаться Ло Чжие, включить режим невинной жертвы и заодно очернить самого Цзянь Шанвэня.

А лучший способ победить противника — сделать первый ход раньше него.

Словно боясь, что Ло Чжие не оценит его стараний, Цзянь Шанвэнь потёр запястье и невзначай добавил:

— Я ведь сам ходил за ней.

Потом ещё подчеркнул:

— И идти пришлось очень далеко.

Киноимператор обычно оставался холодным и сдержанным, но сейчас всё же не удержался от улыбки:

— От палатки режиссёра сюда даже двухсот метров нет.

— Правда? — Цзянь Шанвэнь на миг замер, а потом искоса посмотрел на него сияющими глазами. Лукавая улыбка делала его похожим на хитрого лисёнка, который намеренно выпрашивает внимание. — Тогда почему я так устал?

Непозволительно красивый.

И в этот момент Ло Чжие вдруг подумал: за столько лет в шоу-бизнесе он видел бесчисленное множество людей, но Цзянь Шанвэнь был первым, кто действительно казался ему... новым.

Он не был наивно добрым или кристально чистым человеком. В нём хватало мелкой хитрости, и он прекрасно умел извлекать выгоду для себя.

Но при этом у него были границы.

Даже получая желаемое, он не терял голову.

Спокойный, рассудительный, ясный.

И всегда удивительно точно чувствующий меру.

Почему-то...

Ло Чжие вдруг стало любопытно: Что за жизнь нужно прожить, в какой среде вырасти, чтобы сформировался такой характер?

Он отвёл взгляд и, немного помолчав, неожиданно сам заговорил:

— Кажется, я начинаю понимать, почему режиссёр Шэнь пригласил именно тебя на это шоу.

Цзянь Шанвэнь заинтересованно моргнул:

— И почему же?

Ло Чжие спокойно ответил:

— Он любит умных людей, которые не играют по правилам.

Цзянь Шанвэнь чуть склонил голову:

— Значит, режиссёр Шэнь и сам любит нарушать правила?

Ло Чжие покачал головой:

— Обычно правила устанавливает именно он.

Цзянь Шанвэнь рассмеялся:

— То есть сам придумывает правила, а потом специально зовёт кого-то, кто будет их нарушать? И правда извращённое чувство юмора.

Ло Чжие тоже едва заметно улыбнулся.

Смелости этому человеку было не занимать.

В индустрии вообще мало кто осмеливался так шутить о Шэнь И. Всё-таки тот славился злопамятностью и никогда не забывал обид.

— И вообще, с чего это я нарушаю правила? — Цзянь Шанвэнь тут же сделал невинное лицо,

будто его смертельно оклеветали. — Я ведь уже говорил: это всего лишь честная конкуренция между соперниками по любви.

Вообще-то это была просто шутка.

Обычно люди уровня Ло Чжие на таких словах лишь снисходительно усмехались — и разговор заканчивался.

Но как раз когда Цзянь Шанвэнь уже собирался уходить, Ло Чжие, опираясь о край стола, вдруг негромко произнёс:

— Правда?

Цзянь Шанвэнь вопросительно посмотрел на него.

Ло Чжие продолжил:

— Если вы соперники... почему тогда утром ты отдал голос симпатии самому себе?

Цзянь Шанвэнь слегка удивился.

Этот киноимператор выглядел человеком, которому нет дела ни до чего на свете, но на самом деле был невероятно умным и проницательным. Он всегда видел самую суть вещей.

Может, ему и было безразлично, кто за кого голосует, но люди, привыкшие стоять наверху, инстинктивно держат всё под контролем. Как бы мягко и расслабленно они ни выглядели, внутренняя властность никуда не исчезает.

И, к несчастью...

Цзянь Шанвэнь как раз лучше всего умел выживать рядом с такими людьми.

Он снова улыбнулся, прижал ладонь к груди и с нарочито печальным видом протянул:

— Ах, ну что поделать... Я просто боялся, что за меня вообще никто не проголосует. Если бы остался без единого голоса, надо мной ведь потом смеялись бы. У меня тоже есть гордость.

Ло Чжие приподнял бровь, собираясь что-то сказать, но в этот момент к ним подошёл сотрудник съёмочной группы:

— Господин Цзянь, только что звонил режиссёр. Просил передать вам, что правила сегодняшнего голосования изменились: участникам запрещено голосовать за самих себя.

Улыбка Цзянь Шанвэня застыла.

Сотрудник неловко замялся и тихо добавил:

— И ещё... режиссёр Шэнь просил передать...

Цзянь Шанвэнь с трудом снова натянул улыбку:

— Что?

— Он просил передать... что это тоже часть его извращённого чувства юмора.

— ...

<http://bllate.org/book/17232/1631949>